

Нюрнберг для своих

Бывшие лидеры Карабаха получили в Баку сроки вплоть до пожизненного, но обещанного «второго Нюрнберга» все равно не получилось

Президент Азербайджана Ильхам Алиев. Фото: AP / TASS

16:39, 21 февраля 2026,

Вадим Дубнов

журналист

«Будет ли в Баку поднята тема осужденных руководителей Нагорного Карабаха?» — спросили в Ереване вице-президента США Джей Ди Вэнса, провожая его в Баку, и он ответил: непременно. И не обманул.

Как сообщил сам президент Азербайджана Ильхам Алиев, отвечая на вопрос Вэнса, он «выразил позицию Азербайджана по этому вопросу, и на этом все». Гость, судя по всему, на продолжении темы не настаивал. А в интервью France-Presse Алиев свою позицию уточнил: «Их преступления были даже хуже, чем то, что нацисты совершили во время Второй мировой войны».

Суть обвинений, даже стилистика мероприятия должны были навевать аллюзии с Нюрнбергским процессом, и Баку не скрывал, что триединая сверхзадача по-нюрнбергски и звучит: осуждены должны быть не только конкретные люди, но и идея, и организация. И если в роли преступной идеи выступал сепаратизм, то преступной структурой должна стать целая страна, с которой Азербайджан в это же самое время продолжает мириться.

Все совпадения не случайны.

Суд победителей

Нюрнбергский процесс, конечно, тоже был судом победителей, но при всей противоречивости таковых, преступления проигравших были безусловны. В связи с этим Нюрнберг и стал институцией сколь уникальной, столь и бесспорной.

Список обвинений на бакинском процессе тоже должен был соответствовать статусу вехи в истории: терроризм, геноцид азербайджанского населения, насильственный захват власти и ее удержание и так далее. Казалось бы, список подсудимых сюжету не соответствует. Даже с точки зрения геноцида, то

самый ранний из тех руководителей Карабаха, что на скамье подсудимых — Аркадий Гукасян, заступил на этот пост спустя три года после прекращения огня. Его преемник Бако Саакян руководил Карабахом в те времена, когда он фактически был встроен в политическую систему Армении. И именно в его правление Баку начал всерьез наращивать давление на посредников и Ереван в жанре «Если не получается дипломатическое решение, то Баку оставляет за собой право на военное». Следующий подсудимый президент, служивший при Саакяне премьер-министром, Араик Арутюнян, и вовсе не претендовал на политическую значимость. Он исправно занимался лишь тем, что удерживал экономическую вертикаль Еревана. То есть вслед за Бако Саакяном олицетворял своеобразную нормализацию непризнанности, в рамках которой Карабах научился жить примерно в том же ключе, что Азербайджан или Армения, в том числе, и по части утвердившейся коррупционно-олигархической модели.

Судя по судебным протоколам, на заседаниях скрупулезно описывали ход войны и соответствующих военных преступлений, не слишком пытаясь проследить связь с ними подсудимых. Но, возможно, в этом и заключался замысел: все ужасы войны — лишь следствие сепаратизма. Значит те, кто его проводил и отстаивал, виноваты просто по факту участия в нем.

По логике, политической или юридической,

нонсенсом выглядит предъявление обвинений тому, с кем десятилетиями велись переговоры о мирном урегулировании, о компромиссе, о максимальной степени самостоятельности — то есть о пределах того самого сепаратизма,

которые Баку в рамках различных формул, предлагавшихся Минской группой, соглашался обсуждать. Но в нынешнем жанре эта нестыковка — наоборот, подтверждение права на суд победителя.

Тройка за диалог

В отношении Араика Арутюняна, впрочем, был актуализирован сюжет с артиллерийским ударом в ходе второй войны по мирным домам в Гяндже и Барде, на которые от отчаяния пошли карабахцы, и это еще можно было бы рассматривать как терроризм. Но здесь обвинение, судя по всему, столкнулось с принципиальным противоречием: если виноваты сепаратисты, то как тогда быть с преступной Арменией, а если все зло из Еревана — тогда что предъявлять Арутюняну? Но и это противоречие решается простой расстановкой приоритетов.

Первичен все-таки Ереван, и потому Аркадию Гукасяну приходится рассказывать, как заселялся Карабах после завоеванной независимости и как был устроен его бюджет, как вывозились ресурсы, и Гукасяну нет резона лукавить. Министра обороны Левона Мнацаканяна спрашивают о связях с минобороны Армении, и ему незачем скрывать, что его назначение было решением президента Армении Сержа Саргсяна, а оружие поставлял Ереван.

Араик Арутюнян. Фото: mfa.am

А вот Давид Бабаян во власти оказался почти случайно. Тогдашний президент Бако Саакян просто пригласил толкового политолога в советники. Карьерные пути неисповедимы, они в итоге и привели Бабаяна в главный кабинет уютного особняка, в котором располагался карабахский МИД. Какие в злосчастном 2021 году могли быть иностранные дела у Карабаха? Одни заявления, на которые Бабаян был профессионально щедр и хлесток и прежде, и, что греха таить, Ильхаму Алиеву было ему

что припомнить по части обид, граничащих с личными. Вот и припомнил — на пожизненное, наравне с президентами и министрами обороны.

Личностным фактором отчасти можно объяснить столь беспощадное отношение к Рубену Варданяну, чье дело было выделено в отдельное производство. Его карабахский сюжет длиной в год с самого начала был загадкой, каковой и остается. Он приехал в Карабах в 2022 году, когда выбор уже оставался между плохим и ужасным. В то время казалось, что именно Варданян должен выводить формулу максимально щадящего поражения — выпускник экономфака МГУ, магнат, входящий в Кремль, и без повстанческого бэкграунда. С кем бы еще Баку поддержал беседу, начав с газа и электричества и продолжив той самой формулой, которая еще могла быть мирной?

Давид Бабаян. Фото: telegram-канал Давида Бабаяна

Но уже через несколько месяцев Варданян вдруг обернулся Че Геварой. Человек, всю жизнь выстраивал бизнес-схемы — и вдруг ринулся на баррикады — бывает. Человек приехал спасать, в том числе и от голода, а вместо этого встал грудью на пути трейлеров с едой, которые, перекрыв дорогу из Армении, Баку отправил в Карабах, — тоже бывает, неисповедимы пути свободы. Но по этой части борьбы до последнего карабахца в Карабахе воителей хватало и без него. И им вожак не требовался, разве что инвестор, и это их разногласие оказалось не менее принципиальным, чем с Баку.

Возможно, в Баку оказались разочарованы стратегией, с которой Варданян приехал в Карабах, и в Баку могли счесть (может быть, небезосновательно), что его приезд — не столько порыв души, сколько командировка, подписанная в Кремле вместе с документами об отказе от российского гражданства. Так или иначе, Варданян пустился не в свою игру, и то ли по неискренности, то ли по ошибке сделал он это с тем воодушевлением, которое в Баку уже не простили.

Пленные не нужны

Для любого государства, даже самого демократического, его целостность — фетиш, и в этом его родовой порок. И сепаратизм в его понимании — почти всегда война. А любая война — это череда военных преступлений с обеих сторон. И дело не только в том, что историю пишет победитель.

В этой истории для Азербайджана и без этого очень многое остается трагедией, еще более жестокой от того, что она остается незамеченной миром и им забытой. При том что с цинично-арифметической точки зрения эта трагедия превосходит трагедию Карабаха, который покинуло около ста тысяч армян. Азербайджанцев, — из тех, кто, конечно, выжил, — спасавшихся почти сорок лет назад из Армении, особенно из ее приграничных с Азербайджаном районов, у озера Севан и в

Сюнике и потом из занятых карабахцами районов самого Азербайджана, — сотни тысяч.

Рубен Варданян в суде, 8 апреля 2025. Фото: azertag.az

Но, в отличие от арифметики, история — наука не точная. Для кого сепаратизм, для кого — борьба за свободу. Можно ли было найти мирное решение в столкновении двух национальных мифов: азербайджанского — на государство в доставшихся от СССР границах, и армянского — на не доставшийся в нужное время Карабах? Можно ли было уйти от того, что этот клочок зажатой в горах земли станет вопросом нарождающейся идентичности? Даже без банальностей про сослагательное наклонение истории понятно, что вряд ли. И советская власть, сползая в могилу, посылала уходящим свои последние ядовитые заветы, и в Карабахе признавались: да, Кремль использовал нас, но и мы использовали их. С одной стороны, с окрестных высот, прежде всего из Шуши, жителей Степанакерта расстреливала азербайджанская артиллерия. Но есть и другая сторона. Сепаратизм, даже если это борьба за свободу, оборачивается еще

и тем, о чем могут рассказать грузины, бежавшие из Абхазии, или те же азербайджанцы в Ходжалы.

И нет ничего более бессмысленного спустя несколько поколений выяснить, кто начал первым.

Но зато можно судить.

Приговор был встречен без особых эмоций — и в Ереване, и в мире. Возможно, потому, что именно такого исхода и ждали. Отчасти из-за повсеместной уверенности в том, что вердикт политический, стало быть, подвластный торгу и конъюнктуре, а она, скорее всего, такова, что скорее рано, чем поздно всех отпустят.

А вот это вряд ли.

С одной стороны, действительно, в Азербайджане политзаключенные, осужденные на долгие сроки, зачастую выходят на свободу раньше и в ритме внешнеполитических инициатив власти — по этой части Баку столь же договороспособен, что и устроенный похожим образом Минск. С другой стороны, опыта торговли заключенными такого уровня и такой судьбы в стране еще не было, и потому полагаться остается на сигналы и логику. Ни то, ни другое поводов для оптимизма осужденным не дает.

В том же интервью France-Presse Алиев будто случайно обмолвился: «Представьте себе, что после Нюрнбергского процесса... через два месяца кто-то пришел бы и сказал: «Пожалуйста, освободите их...» Сигнал понятен — перспектива исчисляется годами. А вот сколько их будет, этих лет, зависит от немалого числа факторов, которые должны совпасть. Это и ход

примирения с Арменией, в котором осужденные остаются и одним из переговорных аргументов, и индикатором достигнутого уровня отношений, который при всех улыбках пока остается скорее на отметке «не столько мир, сколько не война». Это и вопрос внешнеполитического позиционирования Азербайджана. И правил приличия в том мире, в котором Азербайджан становится региональным лидером. И пока никто не знает, будут ли все эти факторы стимулировать Баку к смягчению позиции, или, наоборот, поощрять его к еще большей жесткости. Но главным останется все равно накал мстительности внутри страны. Им Баку, конечно, управляет, но не в той мере, чтобы с уверенностью планировать его всплески на будущее, исчисляемое теми самыми годами.

Словом, новостей, как всегда, две: скорее всего, осужденных отпустят. Но неизвестно когда. Но

есть и еще одна причина повсеместной невозмутимости: пленные в таких историях никого не интересуют и никому не нужны. Включая Варданяна, который не нужен ни Еревану, ни Москве.

Для армянской власти бакинские пленники — внутриполитические противники, и Пашиняну даже их освобождение, случись оно вдруг и каким-то чудом, не принесло бы никаких бонусов. Пленные никому не нужны — это такой же закон войны, как и то, что беженцы почти никогда не возвращаются. А непреклонность Баку в этом вопросе в чем-то даже помогает официальному Еревану отбиваться от обвинений в пассивности и позволяет ограничиваться расплывчатым «что можем — делаем!». Примерно с тем же усердием, с которым ставил в Баку этот вопрос Вэнс.

А Нюрнберга не получилось, да и не могло получиться. Хотя, наверное, никто всерьез на это и не рассчитывал. Но и Нюрнберга для своих по нынешним временам тоже вполне достаточно.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[План без Маршалла](#)

Проходит ли через Зангезур дорога к миру и кто теперь будет играть основную роль на южнокавказской политической сцене

11:58, 19 июля 2025, Вадим Дубнов